

СЕРЫЙ

КАРДИНАЛ

РОМАНА ВИКТЮКА

Зритель падок на сенсации. Особенно если их автор — Роман Виктюк, каждая премьера которого рождает бурные восторги и столь же сильное негодование. А спектакль «Служанки» по Жану Жене, поставленный им в «Сатириконе», уже стал театральной легендой. Вместе с Виктюком «Служанки» создал Валентин Гнеушев, режиссер по пластике, чей удел — быть в тени. Так уж сложилось исторически — слава Виктюка затмевает многих его соратников. Тем не менее в «Служанках», а затем и в других постановках мэтра именно Гнеушев раздвинул привычные рамки сценического пространства и показал, что пластические возможности актера драмы неисчерпаемы.

Еще один лик Гнеушева — режиссура цирковых номеров. Его работы получают высшие награды на самых престижных конкурсах в Париже и Монте-Карло. В прошлом году «Цирк Валентин», созданный специально для американских гастролей, выступал на Бродвее. Западные рецензенты, которых, казалось бы, ничем не удивишь, отмечали: цирк Валентина Гнеушева по-своему уникален, не имеет аналогов ни в Европе, ни в России. Каждый номер, придуманный им, — для жонглера ли, акробата или дрессировщика, — это мини-спектакль, со своей интригой, динамикой и даже психологической мотивировкой.

В театре он отдыхает от цирка, в цирке — от театра. В цирке репетирует с артистами с семи часов утра, чтобы сэкономить собственное время и время мажорного. Раннее утро — это и отличная провокация для актера: если он приходит с рассветом, значит, готов к работе, он собран, подтянут, предан Солнцу.

Цирком Гнеушев заболел в юности, в Нижнем Тагиле, когда был поваром в ресторане. В самодеятельность записался клоуном. Фильм «Дорога» Феллини помог ему осознать философию цирка сквозь призму трагического. Цирк, считает Гнеушев, это искусство притворной радости. Каждый артист по сути — мазохист, — публично, с виртуозным мастерством испытывает себя. «Я безумно люблю цирковых артистов. Они работают почти круглые сутки и обречены так трудиться. Как сказал Кандинский, человек — раб, если он не свободный художник, но и тот — раб своего таланта». Публика в цирке ждет острых ощущений, ждет, чтобы ей пощекотали нервы, а это и есть пограничная зона жестокости. Когда Гнеушев показывал на Бродвее в театре Гершвина один из своих коронных номеров «Перезвоны», — зал в финале, стоя, аплодировал воздушным гимнастам, которые так отчаянно и бесстрашно летали «под куполом», вдохновленные непривычной для цирка могучей музыкой Валерия Гаврилина. Лучи плотного света разрушали стереотип циркового пространства.

Найти в каждом номере гармонию тела, музыки, световой линии — для Гнеушева это принципиально. Цирк он считает искусством высоких обобщений — наряду с оперой и балетом. Сколько нареканий, язвительных слов пришлось ему выслушать, когда утверждался, в 1984-м, сценарий номера для жонглера «Красный Арлекин» (через год номер получил золотую медаль

в Париже)! Герой средневековых комедий, одетый в «революционный» костюм, осквернял, по мнению цирковых чиновников, кумачовую символику. У Гнеушева совершенно иные ассоциации: спелый плод, фейерверк, праздник. Это отметка эмоционального состояния, а не социальной принадлежности. Красный костюм Арлекина эффектно сочетался с синим ковром, на котором разворачивалось действие. Цветовая интенсивность и острота ритма — словно на полотнах Матисса, утверждающих красоту и радость бытия.

С МОЛОДЫМ ЖОНГЛЕРОМ Евгением Пимоненко Гнеушев создает номер «Ваш Пьеро», пронизанный болезненной эстетикой модерна рубежа XIX—XX веков. Сегодня модерн вновь притягателен: близится конец века. Прообразом Пьеро стал Александр Николаевич Вертинский, — у Гнеушева с ним особые «отношения». Как-то в Нижнем Тагиле ему, поклоннику «Битлз», Армстронга, Эллы Фицджералд, приятель принес пластинку с записью песни Вертинского. Это имя Гнеушев услышал тогда впервые и был заморожен усталой мелодией декаданса — сразу и на всю жизнь. «В синем и далеком океане...» Он даже научился заказывать себе сны — фантазии на темы песен Вертинского, своего рода видеоклипы. Позже с Анастасией Вертинской он работал над спектаклем «Мираж» — о трагическом пути ее отца. Спектакль-исповедь. Спектакль-размышление. Спектакль-очищение.

«Ваш Пьеро» тоже пронизан настроением светлой тоски. В образе Пьеро, каким его увидел Гнеушев, сочетаются поэтичность и покой, чистота и несуетливость — как иллюзия мечты, недостижимой в бренной действительности.

Тяга к лицедейству, возможно, и привела Гнеушева на сцену. Сначала — в качестве актера, в труппу Гедрюса Мацквичюса (Театр пластической драмы, где он занимался пантомимой), а затем и в режиссуру. Конечно, пластическая режиссура родилась не сегодня. Но именно Гнеушев, используя опыты Станиславского, Таирова, Мейерхольда, в новых условиях вернул ей плоть.

Шлягером конца 80-х стала знаменитая сцена из «Служанок» — выход Мадам, целиком созданный Гнеушевым. Этот персонаж соткан из парадоксов. Мадам, в роскошных мехах, с томной, декадентски изломанной пластикой, излучала надменность и беспечность, доверчивость и скорбь. Подчеркнутое эстетство, откровенная эротичность, чувственность образа Мадам, сыгранной, согласно замыслу автора, актером-мужчиной, — все это бросало вызов чопорным законам сцены, канжеским представлениям о прекрасном.

Творческий тандем Гнеушева с Романом Виктюком, самым скандальным режиссером в пределах бывшего Союза, закономерен. Гнеушев был студентом Виктюка в Московском цирковом училище и глубоко воспринял театрально-эстетические принципы Мастера — потому на сегодняшний день он идеально воплощает то, что чувствует Виктюк. «Талант Гнеушева — в чутком проникновении в стиль автора, будь то Набоков, Жене или Радзинский. Он помогает мне просто грандиозно», — говорит Виктюк о своем предан-

ном ученике. И все же Виктюк лукавит: Гнеушев для него не просто помощник. Я видел, как безраздельно доверяет ему Виктюк на репетиции, когда обсуждается пластическая партитура спектакля, — к этой стороне творчества изощренный эстет Виктюк питает сегодня особое пристрастие. В последних его постановках жест рождает слово, звук логически развивает мысль, выраженную языком пластики. Виктюк отлично понимает, что в этой области Гнеушев — вне конкуренции, и дорожит им. Правда, монопольным владельцем секретов Гнеушева он не стал, и вполне терпимо отноится к его работе с другими режиссерами — Камой Гинкасом, Галиной Волчек.

ГНЕУШЕВ любит шум аплодисментов, обожает поклониться на премьерах, причем всякий раз привносит в эту процедуру парадного ритуала неожиданную краску, к примеру, появившись на сцене с эпатажной сигарой, как это было недавно на премьере «Лолиты». Жизнь он воспринимает как театр, ловко сменяя на ходу карнавалы маски.

В театре Гнеушева заботит только творчество, а цирковая жизнь сопряжена для него с производственными проблемами. Сейчас он возглавляет экспериментальную мастерскую Росцирка, расположенную в Измайлово. Правда, сил и энергии у него гораздо больше, чем требует та сфера, в которой он стал полноправным хозяином. Гнеушев вообще по характеру лидер. И планы у него — наполеоновские: «Я хотел бы на базе студии в Измайлово создать Школу артистов цирка новой формации. Мечтаю по-новому организовать производственный процесс в цирке. У нас нет квалифицированных экспертов в области цирка, мы не можем защитить юридические права артистов. Нужно стремиться к тому, чтобы постановщик номера обладал авторским правом».

Гнеушев все чаще получает соблазнительные предложения от западных импресарио: цирк Анны Франтеллини и «Архас» в Париже, цирк «Кни» в Швейцарии, «Пикколо Фемини» в Сан-Франциско, цирк «Дю Солей» в Канаде... Но предпочитает свой дом. Ему легче работать в России. — все-таки знает психологию артистов. Гнеушев часто ездит на фестивали, чтобы

представить наших актеров на мировом рынке, где его авторитет сегодня высок.

Две страсти Валентина Гнеушева затянуты в тугой узел. У него есть поклонники и — яростные недоброжелатели, воспринимавшие отступничество от норм, традиций как тяжелейший порок. Хотя Гнеушев убежден: любое открытие должно впитывать в себя академическую культуру, и, чтобы отречься от прошлого, его нужно хорошо знать. Еще в юности, знакомясь с историей искусств, самостоятельно изучая философию Бергсона, психологизм Фрейда, труды Николая Евреинова, он научился отличать антикварное от коммиссионного, оригинальное от фальшивого. Поэтому в его работах есть чувство стиля, прочная связь с эпохой.

«Не могу сказать, что я — сильный человек. Но когда возникает душевные сбой, включаю чувство ритма. Больше всего ненавижу слабость — в себе и других. Обожаю высказывание Рихарда Вагнера: мне нравятся люди, которые дают громкие обещания и с триумфом их выполняют». Впрочем, сам Гнеушев никому ничего не обещает. Просто каждое утро к семи часам он спешит в Измайлово, на репетицию, чтобы встретиться с теми, кто, подобно ему, предан Солнцу.

Вадим ВЕРНИК.

НА СНИМКЕ: Валентин ГНЕУШЕВ и Евгений ПИМОНЕНКО — Пьеро.

Фото Владимира АЛЕКСАНДРЕНКО и Льва НОВИКОВА.